

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Образ Гражданской войны в публицистике и прозе А. Платонова 1918–1922 годов

Научный руководитель – Поддубцев Руслан Александрович

Цыбрий Алёна Александровна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра телевидения и радиовещания, Москва, Россия

E-mail: alyonatsibriy@gmail.com

Период Гражданской войны (1918–1922) стал временем формирования мировоззрения Андрея Платонова, который выступал одновременно и как участник боевых действий (помощник машиниста паровоза, доставлявшего снаряды, затем стрелок), и как журналист воронежских губернских газет («Воронежская беднота», «Красная деревня», «Известия»). В эти годы Платонов создает как публицистические статьи, так и первые прозаические произведения. Вопрос о том, как именно исторические события преломляются в этих двух типах текстов, остается недостаточно изученным. Исследователи отмечают, что ранняя публицистика и проза являются фрагментами единой концепции: идеи, впервые заявленные в газетных статьях, впоследствии проходили проверку на прочность и истинность в художественных текстах [4]. Цель данной работы – провести сравнительный анализ того, как Гражданская война отражается в публицистике и прозе Платонова 1918–1922 гг., выявив сходства и различия образно-мотивной структуры и способов осмысления исторической реальности.

Отбор материала обусловлен задачами сопоставительного анализа двух типов дискурса. Публицистические статьи 1919–1920 гг. («Последний враг», «Живая ехидна», «Да святится имя твое», «Помогай, крестьянин!», «Два мира», «Красные вожди») представляют агитационно-пропагандистский дискурс военных лет с характерной для него системой образов врага и героя. Прозаические произведения 1918–1922 гг. («Очередной», «Чульдик и Епишка», «Волчок», «Бучило», «Приключения Баклажанова») избраны как образцы художественной рефлексии тех же событий, содержащие прямые описания войны или имплицитные отсылки к ней через мотивы осиротения и странничества. Сопоставление этих линий позволяет реконструировать сложную аксиологическую позицию писателя.

В публицистике Гражданская война предстает как битва космического масштаба между «двумя мирами» – пролетариатом и буржуазией. Противник революции последовательно наделяется бестиарными и демоническими чертами: это «живая ехидна», части тела которой продолжают существовать после разрубания, «змея», которую надо «истоптать и сжечь», «белый бес», «гадина» [3]. Война описывается как «последняя судорога мертвеца» – буржуазии – и одновременно как «ураган ненависти», который должен быть превращен в наступление [3]. Характерно использование библейской лексики с полемическим переосмыслением: «Да святится же имя Его» (труда как новой святыни), «красный солдат выше святого» [3]. Эсхатологический сюжет выступает смысловой рамкой, в которую встраиваются конкретные исторические события (наступление Деникина, рейд Мамонтова): они интерпретируются не как локальные военные операции, а как эпизоды апокалиптической битвы сил добра (революции) и зла (контрреволюции), что превращает читателя из наблюдателя в участника священной войны.

В прозе тех же лет война отражается иначе – преимущественно имплицитно, через последствия, а не через прямые батальные сцены. В рассказе «Чульдик и Епишка» военные

события отделены от основного действия, но их следствием становится пожар, уничтоживший хату Епишки и унесший жизнь его дочери. На этом фоне особенно выделяется равнодушие Чульдика, который после гибели соседа «таскал бирючков, подустов и голавлей и ни разу не помянул Епишку» [3]. В «Волчке» исторический перелом передан через изменение самого способа восприятия действительности: после удовлетворения базовых потребностей («как легко устроить всех сытыми и довольными») возникает экзистенциальный запрос, невозможный в прежнем мире («нам захотелось знать») [3]. Герой «Бучила» Евдоким Абабуренко проходит путь от комиссара, писавшего революционные бумаги, до нищего странника, который «многое понял и полюбил грустным чувством» [3]. В публицистике герой – «красный вождь», в прозе – «странник» и «нищий».

Сравнение показывает, что публицистика фиксирует войну в категориях должностования и борьбы, используя эсхатологическую риторику и язык классовой борьбы. Проза же фиксирует войну в категориях быта, утраты и осиротения. Как отмечает О.Ю. Алейников, Платонов уже в публицистике «различал несоответствия между реальностью и декларируемыми ценностями» [1]. В прозе эти несоответствия становятся предметом художественного осмысления: если в публицистике война выстраивается по законам героического эпоса, то в прозе она осмысливается как травма, разрывающая ткань повседневности.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет сделать вывод о сосуществовании в раннем творчестве Платонова двух различных способов репрезентации Гражданской войны: публицистика тяготеет к героико-эсхатологическому дискурсу, проза – к травматическому и бытовому. Это расхождение отражает сложность восприятия писателем исторических событий и закладывает основы той диалогичности, которая станет характерной чертой его зрелой прозы.

Источники и литература

- 1) Алейников О.Ю. Аксиологические установки в публицистике А. Платонова времен Гражданской войны // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2(33). С. 10–16.
- 2) Платонов А.П. Сочинения. Т. 1: 1918–1927, Кн. 1: Рассказы. Стихотворения. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
- 3) Платонов А.П. Сочинения. Т. 1: 1918–1927, Кн. 2: Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
- 4) Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.